

А. В. КУЛАГИНА
(Москва)

Рецензия на: Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. — СПб.: Тропа Троянова, 2007. — 496 с.

Устная несказочная проза долгое время публиковалась в составе сборников сказок, и не было четкого деления на жанры (да и до сих пор нет единого мнения между учеными: каковы границы между быличками и легендами, быличками и бывальщинами, бывальщинами и устными рассказами, легендами и преданиями и т. п.). Все это находит свое отражение в различных принципах публикации устной прозы, и в терминологии существует значительный разнобой: в одни разделы включаются «исторические предания и легенды» [Азбелев 1992], от других легенд отделяются легенды о сотворении мира, животных, растений и именуются «этиологическими рассказами» [Азбелев 1992]. Былички называются «мифологическими» рассказами [Зиновьев 1987, Иванова 2006, Корепова 2007], «демонологическими» [Виноградова 2000, Зуева 2002] и даже «правдивыми рассказами о полтергейсте и прочей нежити» [Шумов 1993]. Проблема разграничения жанров несказочной прозы находится в центре внимания автора статьи о собирании и систематизации легенд, преданий и быличек [Котельникова 2007].

За последние несколько десятилетий интерес к изучению и публикации жанров народной прозы необычайно возрос. Появились монографические исследования преданий (начиная с работ В. К. Соколовой [Соколова 1970] и А. И. Лазарева [Лазарев 1970] и кончая книгами Н. А. Криничной [Криничная 1987; 1988; 2001]). Увидели свет и сборники, например, преданий [Криничная 1991]. Легенды негласно

были под запретом, но постепенно и они стали публиковаться [Криничная 1983; Черепанова 1996; Шеваренкова 1998]. Появился ряд исследований легенд [См. напр.: Шеваренкова 2004]. В нем автору удалось установить принципы выделения внутрижанровых разновидностей легенды и обстоятельно охарактеризовать собственно легенду, легенду-«быличку» и легенду-«предание».

Принципы публикации устной прозы разнообразны: существуют демонологические словари [Новичкова 1995; Власова 1995], антологии [Азбелев 1992; Криничная 1983], которые включают три основных жанра несказочной прозы. Есть сборники, куда входят былички и бывальщины [Шумов 1991], легенды, предания и пр. Сборник «История Вятского края» [Иванова 2006] содержит помимо преданий и легенд песни, что связано с необходимостью целостной подачи произведений, отражающих историческую память жителей этого региона.

Оригинальный сборник «Благодатная земля (несказочная проза Баянаула)» был подготовлен в Павлодаре [Цветкова, Садькова 2005]. В книге представлены топонимические и этиологические предания об озерах, скалах, камнях, пещерах живописного места Казахстана — Баянаула. Тексты в основном записаны от экскурсоводов, но эти предания живут по фольклорным законам в вариантах, версиях о том или ином объекте. Славянское население столкнулось в Казахстане с местными географическими названиями, что потребовало перевода на русский язык казахских нарративов. Русскоязычная среда, как отметила рецензент этой книги Т. Г. Иванова, стала не просто средой, воспроизводящей основные мотивы казахских сказаний, но и средой, творящей новые предания» [Иванова 2007, 140—142].

В ряду произведений несказочной прозы важное место занимают былички, которые привлекают наибольший интерес ученых. Традиция группировки быличек

по персонажам, принятая Э. В. Померанцевой и С. Г. Айвазян [Померанцева 1975], восходит к середине XIX века (труды А. Харитоновой, позже П. С. Ефименко и др.). В своей антологии «Народная проза» составитель С. Г. Азбелев отвел быличкам («суеверным рассказам», как он их назвал) меньше места, чем преданиям и легендам (примерно четвертую часть: № 211—310) [Азбелев 1992]. Составитель открывает раздел быличек темами «Клады и кладоискатели», «Проклятые», «Побывавшие на том свете», «Оборотни заговоренные», «Колдуны и ведьмы», «Мертвецы», а завершает текстами о леших, водяных и русалках, домашних духах и чертях. Критерием отбора текстов он называет два параметра: достаточная надежность источника и достаточная характерность для представленных им групп произведений. Основные источники у С. Н. Азбелева — Афанасьев, Ончуков, Железнов, Садовников, Зиновьев, Балашов.

В сборнике быличек и бывальщин К. Шумова публикуется 328 мифологических рассказов, записанных в Прикамье [Шумов 1991]. Они систематизированы по персонажам (змей, полудницы, водяной, русалки, леший и лешачиха, домовый и домовиха, банник, духи гумна и овина, черт, сатана, дьявол, мертвецы, колдуны, ведьмы и др.). Внутри рубрик они располагаются по сюжетам.

Другая книга (антология) К. Шумова [Шумов 1993], посвященная духам построек, включает 332 текста, т. е. в три раза больше быличек, чем у С. Н. Азбелева. Помимо некоторых из тех же источников, которые использует Азбелев, Шумов берет тексты из антологии Криничной, а также из архивов Львовского университета (Калужская обл. 1987—1989 годов), Пермского университета (Пермская и Кировская обл. 1986—1992 годов). В Указателе сюжетов-мотивов составитель использует не только встречающиеся в сборнике тексты, но и опубликованные в других изданиях.

Тексты группируются по персонажам: домовый, кикимора, проклятые, банник, ови́нник (гумённый), полтергейст (преобладают былички о домовом), а указатель сюжетов-мотивов дан по функциям: дух постройки показывается людям в каком-либо облике (мужика, старика, женщины, родственника, ребенка, маленького человечка, мохнатого существа, кошки, собаки, крысы и пр.); дух постройки помогает

человеку по хозяйству; отводит беду; общается с людьми; предсказывает будущее; наказывает человека (пугает, губит); вредит человеку; домового переводят в новый дом и пр.

Большинство публикаций текстов быличек носит региональный характер и охватывает Русский Север, Северо-Запад, Сибирь, Прикамье, Кировскую область. Такого типа сборник был издан после смерти его составителя В. П. Зиновьева [Зиновьев 1987]. В него вошли былички, собранные в Восточной Сибири. В предисловии к нему Б. Н. Путилов отметил, что особая ценность материала, представленного в этой книге, заключается в том, что он принадлежит локальной сибирской традиции. Работая над картошкой по собранному материалу, Зиновьев опирался на указатель Померанцевой—Айвазян. Но ряду сюжетов не нашлось места в указателе — и Зиновьев ввел новые разделы, например, о кикиморе (в указателе Померанцевой—Айвазян кикимора отсутствует).

В антологии Шумова [Шумов 1993] из семнадцати быличек о кикиморе большая часть заимствована из сборника Зиновьева. Заметим, что в нижегородском сборнике, о котором речь пойдет далее, кикимора как мифологический персонаж не упоминается.

В предисловии к сборнику Зиновьева «От редактора» Р. П. Матвеева отметила: «Сибирская действительность внесла определенные коррективы в бытование произведений фольклора. Оставаясь по сути общерусским явлением культуры, сибирский фольклор несет в себе специфические черты, продиктованные социально-экономическим, экологическим, географическим своеобразием и другими условиями жизни этого региона» [Зиновьев 1987, 6].

Сборник ввел в научный оборот 444 текста, отражающих как общеславянский и общерусский, так и только сибирский сюжетный фонд. Он включает разделы о духах природы (леший, водяной, русалка); домашних духах (домовый, банник, кикимора); о змее, черте, проклятых; о людях, обладающих сверхъестественными способностями (ведьма, колдун); о покойниках; о кладах; предсказаниях судьбы и предзнаменованиях.

Н. А. Криничная обратила внимание на погрешности, типичные для такого рода изданий: «За единицу измерения в 133

нем (указателе — А. К.) принят сюжет, который нередко представляет собой варьирующееся сочетание нескольких мотивов, чем сразу же обуславливается некоторая расплывчатость выделенных рубрик. Кроме того, избранный способ классификации не всегда выдерживается: в результате в одном случае выделен сюжет, в другом — мотив, в третьем — элемент мотива. Или же в одном случае дана модель сюжета (мотива), в другом — конкретная реализация той или иной модели» [Криничная 2001, 21].

После сборника Зиновьева значительный подарок исследователям быличек был преподнесен О. А. Черепановой [Черепанова 1996]. По объему сборник может быть соотнесен с зиновьевским (тоже более четырехсот текстов). Он содержит былички и поверья, записанные в 1970—1990-х годах. Тексты сгруппированы в разделах: «Культ предков и представления о потустороннем мире»; «Проклятые и обменные (о побывавших в ирреальном мире)»; «Народная демонология (домовой и дворовой; леший; водяной, русалка, фараоны; банник, обдериха; шуликуны; черт, бес и др.)»; «Магия: колдовство и гадания»; «О змеях, поклонении стихиям,кладах и пр.» и «Народные сюжеты христианства».

В целом оценивая сборник О. А. Черепановой, нельзя не согласиться с мнением рецензента Л. Н. Виноградовой, отметившей такие его достоинства, как «бережное отношение к публикуемым полевым записям, надежная документация текстов, внимание автора к народной терминологии и фразеологии, к географическим особенностям бытования, удачное расположение тематических групп, облегчающих поиск нужных мифологических мотивов» [Виноградова 1997].

В центре нашего внимания — сборник «Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья», подготовленный коллективом авторов под общей редакцией К. Е. Кореповой [Корепова 2007]. Составители учли все достоинства и недостатки предшествовавших изданий и представили на суд исследователей самое большое по корпусу публикуемых текстов собрание (1256 номеров). Ранее нижегородские материалы по «низшей» мифологии издавались мало. Они использованы в комментариях (записи быличек и поверий, сделанные в XIX веке). В книге содержится произведение, записанные начиная с середины XX века. Былички и

поверья группируются в пяти разделах: I — рассказы о мифических существах («духах») (домовой, банник, леший, водяной, русалки, черт, бес, дьявол, нечистая сила и др.); II — рассказы о людях, перешедших в мир духов (покойник, проклятые люди); III — рассказы о людях, обладающих сверхъестественными способностями и вступающих в контакт с мифическими существами (колдуны, ведьмы, ворожеи, «бабушки»); IV — рассказы о животных, наделенных мифическими свойствами, и о мифических предметах (змея, уж; клады; цветок папоротника); V — рассказы о гаданиях (человек и «нечистая сила» [гадания]).

Хотелось бы отметить логичность и последовательность такого расположения материала. Разделы (кроме последнего) и подразделы открываются общими характеристиками мифических существ, мест их обитания, их наименований, облика, функций и взаимозаменяемости. Указываются и средства защиты от них. В каждый подраздел включаются варианты под общим типизирующим названием. Например, в подразделе о домовом дается десять текстов под общим заголовком о внешности: «Старичок такой махонький». В подразделе о лешем под заголовком «В лесу пугает» собраны рассказы на эту тему (№ 351—355) и т. д.

Особую ценность представляют комментарии и указатели (мест записи, информантов, собирателей, предметно-тематический, мифологических персонажей и их названий, сюжетов и мотивов). Только возникает вопрос: почему отсутствует словарь малоупотребительных и диалектных слов? Комментарии и справочный аппарат занимают гораздо больший объем, нежели сами тексты. Каждый текст в комментариях соотнесен с аналогичными в предыдущих публикациях быличек (в первую очередь записанных в окружающих Нижегородскую областях: Кировской, Костромской, Владимирской, в Верхнем и Среднем Поволжье, а также в увидевших свет наиболее авторитетных собраниях по Русскому Северу, Западной и Восточной Сибири; отсылки даются и на опубликованные указатели). Это значительно облегчит работу будущим исследователям.

Особенно содержательны комментарии к разделу «Колдун», подготовленные А. В. Коровашко. В них дается информация о существовании колдунов в настоящее время, о насылании колдунами пор-

чи, болезней. Многие комментарии носят исследовательский характер (например к № 896, 897, 900, 920, 921 и др.).

В сборнике представлен круг сюжетов, известных и в других локальных собраниях [Зиновьев 1987; Криничная 1983; 2001; Черепанова 1996]. Вместе с тем некоторые мифические существа, известные в других местах, здесь отсутствуют. Из духов построек есть лишь домовый и банник, а кикмора, овинник, гумённик, подпольщик, хлевник, рижник/ригачник не встречаются. Образ хозяина воды отмечен только в Верхнем Поволжье. Отсутствует парность персонажей (леший — лешаиха, домовый — домовиха). По наблюдениям К. Е. Кореповой, для нижегородской традиции более частотны черт, колдун, ходячий покойник, нежели леший (самый популярный персонаж севернорусских верований). Ведьма в нижегородских северных рассказах ближе к существу человеческой природы, чем к демоническому.

В заключении К. Е. Корепова ставит вопрос о том, «можно ли говорить о нижегородской мифологической системе или хотя бы о системе мифологических персонажей здесь как об особом диалектном варианте русской мифологии». И отвечает: «Возможно, что нет». Хотя она подчеркивает, что нижегородская мифология явно отличается от севернорусской [Корепова 2007, 307]. Вместе с тем, по ее же наблюдениям, круг персонажей и сюжеты быличек сходны в Нижегородском и Саратовском Поволжье. К. Е. Корепова справедливо полагает, что для решения вопроса о диалектной характеристике нижегородской мифологии, ее самостоятельности или включенности в среднерусский — поволжский — тип нужны дополнительные сопоставительные исследования.

Все сборники текстов, о которых шла речь выше, в большей или меньшей степени включают в свой состав исследовательскую часть: предисловия, послесловия, развернутые комментарии. Существуют и монографии. Из наиболее известных можно назвать книги Л. Н. Виноградовой, которая опиралась на славянский материал [Виноградова 2000], и Н. А. Криничной, привлеченной в основном опубликованные и неопубликованные севернорусские тексты [Криничная 2001]. Думается, сборник нижегородцев даст почву для серьезного монографического исследования. Если сравнить это издание с предыдущими, то оно является образцовым и явно превосходит их и по объему опубликованно-

го материала, и по качеству справочного аппарата и комментариев. Замечательно и то, что в сборник включены фотографии исполнителей. В работе над книгой принимали участие не только ученые, но и студенты (составление, комментарии, указатели, техническое оформление ряда разделов), а это дает уверенность в том, что они в дальнейшем продолжат дело, начатое их учителями.

В перспективе — собирание и публикация несказочной прозы (в том числе и быличек) в Центральной и Южной России и других регионах. Сборник нижегородцев может послужить образцом. Только фронтальное изучение несказочной прозы, как пишет Н. А. Криничная, «аспектами которого станет выявление всей совокупности мифологических персонажей, освещение вопроса о распределении, перераспределении, совмещении присущих им функций, выяснение обстоятельств, при которых активизируются различные мифические существа» позволит составить максимально полный указатель [Криничная 2001, 21—22], а это — дело будущего. Другая перспектива, которую намечает К. Е. Корепова, опираясь на мнение Н. И. Толстого, связана с расширением круга источников, отражающих народные мифологические представления: пословиц, загадок, сказок, космогонических, метеорологических наблюдений, оберегов, бытовых и трудовых процессов, лингвистических материалов.

Литература

Азбелев 1992 — Народная проза / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С. Н. Азбелева. М., 1992.

Виноградова 1997 — Виноградова Л. Н. Мифологические рассказы Русского Севера. Рецензия на: Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. СПб., 1996 // Живая старина. 1997. №1.

Виноградова 2000 — Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.

Власова 1995 — Власова М. Новая абега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб., 1995.

Зиновьев 1987 — Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Зуева 2002 — Зуева Т. В. Русский фольклор: Словарь-справочник: Книга для учителя. М., 2002.

Иванова 2005 — Иванова Т. Г. Рецензия на: Благодатная земля (несказочная проза Ба-

янаула) / сост. А. Д. Цветкова и А. А. Садыкова. Павлодар, 2005 // Традиционная культура. 2007. № 3.

Иванова 2006 — История Вятского края в преданиях, легендах и песнях / сост., вступ. ст., коммент. А. А. Ивановой. М., 2006.

Корепова 2007 — Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007.

Котельникова 2007 — *Котельникова Н. Е.* Собрание и систематизация несказочной прозы для архивного хранения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов / отв. ред. А. С. Каргин. М., 2007. Т. IV. С. 164—176.

Криничная 1983 — Легенды, предания, бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. А. Криничной. М., 1983.

Криничная 1987 — *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987.

Криничная 1988 — *Криничная Н. А.* Персонажи преданий: становление и эволюция образа. Л., 1988.

Криничная 1991 — Предания Русского Севера / сост. Н. А. Криничная. СПб., 1991.

Криничная 2001 — *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов: в 3 т. Том первый: былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.

Лазарев 1970 — *Лазарев А. И.* Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970.

Новичкова 1995 — *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь. СПб., 1995.

Померанцева 1975 — *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975.

Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970.

Цветкова, Садыкова 2005 — Благодатная земля (несказочная проза Баянаула) / сост. А. Д. Цветкова и А. А. Садыкова. Павлодар, 2005.

Черепанова 1996 — Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996.

Шеваренкова 1998 — Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Шеваренковой, отв. ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород, 2008.

Шеваренкова 2004 — *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород, 2004.

Шумов 1991 — Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь, 1991.

Шумов 1993 — Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе и бане / сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь, 1993.

Б. Г. АХМЕТШИН
(Уфа)

ТРАДИЦИОННАЯ РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРИИ

Русская песенная традиция Архангельского района Башкортостана / Акад. наук Респ. Башкортостан, отд-ние социальных и гуманитарных наук; [сост. Л. И. Брянцева]. — Уфа: Гилем, 2006. — 288 с.

Особенности бытования традиционных русских песен в иноязычном окружении — тема не менее актуальная, нежели вопросы взаимодействия разноязычных фольклорных традиций в условиях многонациональной республики, каковой является Башкирия. Поэтому обращение Л. И. Брянцевой к судьбам наиболее характерных для русской песенной поэзии жанров в узколокальном башкирском регионе, конкретно в Архангельском районе, представляется весьма своевременным и заслуживающим серьезного внимания.

Архангельский район, расположенный в горно-лесной зоне к юго-востоку от Уфы, имеет своеобразный рельеф и богатые природные ресурсы, среди которых первостепенное значение имеют (в качестве сырья и топлива) большие запасы руды и древесины. Именно эти факторы способствовали сооружению и введению в действие в 1753 году Архангельского медеплавильного завода, на котором группа московских фабрикантов организовала позднее (1889) производство чугуна. Завод проработал полтора столетия и был остановлен в 1903 году. Село Архангельское выросло на месте бывшего заводского поселения, основанного первоначально купленными И. С. Мясниковым крепостными крестьянами из Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний. Они же положили начало селам Зилим, Ирныкши, Магаш и др.

Местное горнозаводское население представляло собой особое замкнутое сословие с устойчивым бытовым и производственным укладом, связанным с сельским хозяйством (клочок земли, личное подворье), а также с общей материальной и духовной культурой, в основном крестьянской. Значительная удаленность от